
В ПОИСКАХ КАТЕГОРИАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ГЛОБАЛИСТИКИ

В. А. Лось

В предлагаемой работе автор, развивая представление о реальности становления глобалистики как науки, обосновывает эти воззрения рассмотрением системы соответствующих философско-методологических, социально-экономических и социокультурных категорий.

Введение

Вряд ли кто-либо «в здравом уме и твердой памяти», особенно в условиях современной мировой неустойчивости, будет возражать против того, чтобы изучение глобальных процессов преодолело доминирующий ныне уровень метода «проб и ошибок» и переместилось в сферу фундаментального теоретического анализа, в рамках которого можно было бы не только исследовать, но и адекватно прогнозировать динамику глобальной социосистемы. А если повезет, то по возможности и предотвратить реализацию негативных сценариев мирового развития.

Традиционно в этой связи научное сознание не видит другого способа, как инициирование процесса формирования специальной науки. Даже подобралось ее неплохое название – «глобалистика». Во всяком случае, издано уже немало соответствующих учебников и учебных пособий¹. Предполагается, видимо, что глобалистика как наука существует в контексте реальности.

Вместе с тем на этот счет существует широкий спектр мнений, а именно: от признания за глобалистикой статуса науки до отказа ей в праве на само существование².

Автор нижеприведенной работы придерживается той точки зрения, что к началу XXI в. реальна тенденция глобальной (всеобщей) интеграции современного научного знания (и усилий социума) для научного анализа и преодоления противоречий (проблем) глобального масштаба. Скажем, решение проблемы управления климатическими изменениями предполагает адекватное подключение всей, в сущности, системы современного научного знания, а также активизацию реальных практических действий значительной части мирового сообщества.

Глобалистика, с нашей точки зрения, на современном ее уровне – совокупность знаний и усилий социума, связанных с анализом и разрешением глобальных проблем, со стремлением придать процессам глобализации управляемый характер.

---

¹ Из сравнительно недавних из них см., например: Дергачев, В. А. Глобалистика: уч. пособие. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005; Прыкин, Б. В. Глобалистика: учебник. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007; Суэтин, А. А. Глобалистика: учебник. – М.: КНОРУС, 2008. (From the recent works, see, for example: Dergachev, V. A. Global Studies: A textbook. – Moscow: UNITY-DANA, 2005; Prynkin, B. V. Global Studies: A textbook. – Moscow: UNITY-DANA, 2007; Suetin, A. A. Global Studies: A textbook. – Moscow: KNORUS, 2008).

² См.: Чумаков, А. Н. О предмете и границах глобалистики // Век глобализации. – 2008. – № 1. (See: Chumakov, A. N. On the subject and boundaries of Global Studies // Age of Globalization. – 2008. – No. 1).

В перспективе же имеются, однако, все предпосылки для того, чтобы в системе научного знания была сформирована глобалистика как особая наука интегрального типа. Именно на этих предпосылках акцентируется внимание в данной работе, в которой акцент делается на выделении соответствующего категориального аппарата.

* * *

В рамках исторического подхода генезис научного знания о глобализации ассоциируется с различными формами познавательного процесса начиная примерно с XVIII в. Одни специалисты связывают истоки исследований глобального типа с теоретическими построениями Т. Мальтуса, вскрывшего специфику динамики мирового демографического процесса; другие – с теорией К. Маркса об интернационализации мирохозяйственных связей; третьи – с концептуальными построениями О. Шпенглера, доказывающего цикличность развития цивилизации, и др.

В этом же контексте значительна роль «русского космизма». Именно в рамках его философского (Н. А. Бердяев, В. С. Соловьев, Н. Ф. Федоров и др.) и естественно-научного (К. Э. Циолковский, А. Л. Чижевский и др.) направлений обосновано представление об активной преобразующей функции человека в биосфере, реализуемой на основе научного знания. При этом выявляется взаимосвязь биосферных и космических процессов.

Теоретическая система В. И. Вернадского – фундаментальная предпосылка реального изучения процессов глобального масштаба. Именно в его биосферно-ноосферном учении не только рассмотрен процесс превращения человека в «крупнейшую геологическую силу», но показаны пути преодоления выявленной им перспективной биосферной напряженности (концепция «автотрофности человечества»). Идея автотрофно-ноосферного будущего социума в современной форме выразилась в стратегии устойчивого развития цивилизации, которая трактуется как возможный механизм «управляемой» глобализации.

Очевидно, что лишь к середине XX столетия мировое сообщество отчетливо осознало свою взаимосвязь (экономическую, социальную, технологическую, экологическую и др.). Социокультурные модели (теория НТР, концепция индустриального и постиндустриального общества, теория конвергенции и др.) исходили из того, что, несмотря на существенные различия между разными странами и типами цивилизаций, между ними выявляются общие элементы и тенденции (в моделях индустриализации, уровнях развития науки, характере образования и т. п.).

Впрочем, следует признать, что в наибольшей степени современные основания глобалистики как системы научного знания были заложены в докладах, инициированных Римским клубом. Действительно, на протяжении 70–90-х гг. XX в. именно в рамках его деятельности были сформированы предпосылки научного изучения процесса глобализации. А именно:

- во-первых, выявлен и обоснован научный статус феномена глобальных проблем (как формы выражения глобализации второй половины XX столетия);
- во-вторых, предложен теоретический подход («нулевой рост» – переход от количественного к качественному типу развития цивилизации), ориентированный на стратегическое преодоление противоречий в глобальной социоприродной системе;
- в-третьих, разработан и применен научный метод (глобальное моделирование), обеспечивающий адекватное исследование процессов планетарного масштаба.

Повышение теоретического уровня глобальных исследований (осмысление феномена глобальных проблем, разработка научных методов изучения социоприродных систем глобального масштаба и т. п.) обуславливает эвристическую значимость глобалистики в системе современного научного знания.

Глобалистика как наука (а не совокупность целенаправленно ориентированной системы научного знания) и к началу XXI в. находится на стадии формирования. И тем не менее попытаемся обозначить ее возможные базисные характеристики.

Объект глобалистики – процессы глобализации в различных формах их проявления. Выделим некоторые из этих форм:

– финансово-экономическая глобализация: взаимозависимость национальных и мировых финансовых и экономических систем, создающая новые формы мировых взаимоотношений;

– социально-политическая глобализация: адаптация национальных и региональных социальных и политических систем к процессам и тенденциям планетарного масштаба;

– научно-технологическая глобализация: применение современных научных и технических разработок, получающих адекватные условия для их планетарного распространения;

– информационная глобализация: использование современных технологий, переводящих все большую часть материальной реальности в «виртуальную форму» и способствующих созданию единого мирового информационного пространства;

– экологическая глобализация: обострение мировой биосферной напряженности и выявление планетарных механизмов ее разрешения;

– социокультурная глобализация: унификация мировых социокультурных процессов при сохранении их национальной и региональной специфики.

Предложенный – весьма неполный – перечень форм (или направлений) глобализации свидетельствует об имманентной интегральности этого процесса. Это обстоятельство обуславливает и системную интегральность глобалистики как науки.

Предмет глобалистики – изучение динамики глобальной социозэкосистемы, разработка путей рационального взаимодействия элементов планетарной системы «человек – социум – биосфера» и выявление ее прогностических тенденций.

Система подобного уровня общности носит внутренне противоречивый характер, ибо в ее рамках объединяются элементы различного уровня, масштаба, направленности и т. п. Вместе с тем ее глобальность (планетарность) обуславливает доминирование интегральных тенденций. Дело в том, что именно эти тенденции создают предпосылки для разрешения противоречий глобализации.

В научном контексте рассматривается взаимосвязь между интегральными и дифференциальными тенденциями в развитии современного научного знания. В социокультурном контексте анализируется возможность баланса между центробежными и центростремительными процессами в рамках планетарной и национальной социозэкосистемы.

Целевая установка глобалистики – разработка научных основ эффективного функционирования всех подсистем глобальной социозэкосистемы, создание предпосылок преодоления конфликтных противоречий между отдельными подсистемами и системой в целом. Одна из важнейших ее задач – оценка перспективных тенденций и возможных направлений развития процесса глобализации. Перспективы глобализации должны исходить из выявления возможности (и реальности), сохранив устойчивость глобальной социозэкосистемы, обеспечить планетарную безопасность цивилизации и повышение качественных показателей жизни че-ловека.

Адекватный научный подход к феномену глобализации предполагает использование совокупности наиболее общих (фундаментальных) понятий, соответствующих его системной (интегративной) сущности. Искомый категориальный аппарат формируется на основе ассимиляции представлений, вырабатываемых в рам-

ках смежных процессов в результате адаптации знаний в соответствующих его областях (философских, культурологических, социальных, экономических, политических и др.).

Выделим некоторую систему категориальных понятий в рамках научного знания, ориентируемого на изучение глобализации.

Философско-методологические категории

Интегративность / Дифференциальность

Сущность глобализации – усиление тенденции взаимосвязи практически всех сторон и сфер деятельности и бытия социума в планетарном масштабе. Интеграция рассматривается как процесс, альтернативный дифференциации социоприродных систем различного уровня. В данном контексте эффективно «работает» традиционная система философских (методологических) категорий, а именно: синтез и анализ, всеобщее и единичное, целое и частное, холизм и индивидуализм и т. п.

Во всеобщем (философском) смысле интеграция соответствует представлениям «всеединства» (В. Соловьев). Всеединство – форма онтологического и гносеологического познания бытия на основе религиозного (взаимосвязь православия, католицизма и протестантизма) и познавательного (синтез рационального, иррационального и интуитивного) единства.

Реальная динамика социоприродных систем в значительной мере обусловлена соотношением интегративных и дифференциальных явлений, процессов и тенденций.

Дифференциация системы означает ее представление в качестве подсистемы или их совокупностей. При этом структурирование подсистем характерно для практически всех сфер существования и деятельности социума. Скажем, система мировой культуры как достаточно дифференцированная структура включает, исходя из религиозных особенностей, культуры различного типа, а именно: буддистскую, мусульманскую, христианскую, православную и др. Аналогичные тенденции характерны для других процессов (экономических, политических, социальных и т. п.). Например, страны мирового сообщества довольно четко различаются по уровню ВВП, доходам на душу населения, заработной плате; по специфике политической системы, социальной организации и др.

Интеграция системы любого уровня фиксирует усиление статуса тенденции к взаимосвязи (сближению, объединению и т. п.) различных ее подсистем, явлений, процессов и др. Выделим некоторые из основных направлений областей (сфер) интеграции:

– социокультурная интеграция, предполагающая укрепление взаимосвязей между национальными культурами, информационными потоками, формирование общечеловеческих ценностей на основе учета национальных стереотипов;

– социально-экономическая интеграция, представляющая собой взаимодействие национальных экономик и их элементов, а также социальных структур различного уровня, обеспечивающая эффективность развития как национальных, так и региональных экономических систем;

– межэтническая интеграция, связанная с расширением взаимоотношений этносов, отличающихся друг от друга (по языку, этическим нормам, отношению к природе и др.), но стремящихся выйти на уровень консенсуса, обеспечивающего выживание (экономическое, социокультурное, экологическое и т. п.) этноса в интеграционном мире.

Фиксируется два уровня интеграции, а именно: интеграция горизонтального и вертикального типов.

Горизонтальная интеграция исходит из укрепления и расширения взаимосвязей систем и их элементов примерно одного типа и сходного уровня сложности. Например, интеграция подобного типа характерна для процессов, происходящих в рамках Европейского союза.

Вертикальная интеграция предполагает активизацию процесса взаимосвязи систем различного уровня (экономического, социального, культурологического и др.) для реализации общей целевой установки. В качестве примера приведем процесс вестернизации, экспансия которого способствует объединению различных подсистем как западного, так и восточного типа развития.

В более обобщенной форме интегративность находит выражение в представлениях о *целостности* (холистичности) системы или объекта. Целостность рассматривается как важнейший атрибут системы любого уровня, в том числе и глобального масштаба.

В рамках целостной системы действует принцип аддитивности, в соответствии с которым свойства интегрального (целостного) объекта являются функцией характеристик элементов целостных систем. Так, мировая цивилизация, включающая совокупность цивилизаций западного и восточного типов развития, обладает как имманентными характеристиками, обусловленными целостностью глобальной социоприродной системы, так и свойствами, заимствованными из соответствующих подсистем.

Тем не менее взаимодействие подсистем дает сравнительно новое качество целостной системе, обусловленное их взаимодополнительной системностью. Целостной системе присущи свойства, которые отличаются от характеристик подсистем, ее составляющих, что обусловлено особенностями взаимосвязи и взаимоотношений между составными элементами системы.

Более того, в целостной цивилизационной (глобальной) системе формируется новый тип закономерностей, связанный с выходом на уровень *синергетизма*. Глобальная (планетарная) социоприродная система получает адекватную интерпретацию в рамках нелинейных представлений, не абсолютизирующих возможность эволюционного пути развития, учитывающих реальность бифуркационных точек, соотношение хаоса и порядка в коэволюции и др. Формирование интегральной системы глобального масштаба рассматривается как сложный эволюционный процесс, проходящий различные стадии (между порядком и хаосом, дифференциацией и интеграцией, линейностью и нелинейностью и др.).

Интеграция сложных систем связывается с принципом когерентности (взаимосвязи), в соответствии с которым интегрирующие подсистемы должны иметь некоторые общие параметры. Например, когерентным является объединение европейских стран, и представляется некогерентным вхождение в региональную европейскую систему государства, радикально отличающегося по своим параметрам (экономическим, социальным, культурологическим и т. п.). В этом смысле дискуссии о возможном вхождении, например, Турции в Европейский союз представляются вполне правомерными и обоснованными.

При этом выявляется новый статус человека в глобальной системе, где субъект не только объект управления, но и определяющий элемент динамики коэволюции. Человек, обладая большей степенью свободы, трактуется как более сложная система по сравнению с социальной группой. Тем самым нелинейность человека «выше», чем нелинейность социума.

Именно коэволюция человека (и социума) с подсистемами глобальной социоприродной системы обеспечивает такой уровень их интеграции, выйдя на который

реализуется целостность универсального эволюционного процесса. Балансирование между порядком и хаосом в рамках динамики глобальной социоприродной системы обеспечивает историческую устойчивость формирующихся интегративных структур.

Конкретизацией интегративности является представление об *универсальности* мировых тенденций, то есть фиксации общих (единых) процессов, характерных для социоприродных систем различного уровня. Обозначим несколько форм выражения универсальности:

– панамериканизм (или панъевропеизм), когда конструктивные мировые тенденции, процессы и явления связываются преимущественно с распространением западнцентристских стереотипов на все, в сущности, национальные и региональные системы;

– планетарность мышления, в соответствии с которым, несмотря на национальную специфику, субъекты мировой социоприродной системы вольно (или невольно), сознательно (или бессознательно) тяготеют к некоторым единым (общечеловеческим) ценностям: любви к ближнему, безопасности мира, распространению информации, сохранению природы и др.;

– преодоление традиционной государственности, что при реализации сравнительно единых ценностей и стереотипов, обусловленных относительной схожестью экономической модели (технологизм, сциентизм, информатизм и т. п.) и политической системы (демократизм, открытость, плюралистичность и др.), известным образом трансформирует историческую роль государства в процессе принятия решений на национальном уровне – повышается статус международных структур в принятии решений, имеющих национальное значение.

Перспективы глобальной социоприродной системы, если исходить из теории самоорганизации, связаны с тем, что сложная интегральная система находится в состоянии динамического равновесия, обусловленного взаимоотношениями ее (системы) различных параметров, показателей и характеристик (порядка и хаоса, линейности и нелинейности, эволюции и инволюции, прогресса и регресса и др.). Под воздействием как внешних, так и внутренних противоречий интегральная система может потерять свою устойчивость, что ведет к дезинтеграции, то есть возможному образованию новых структур, более устойчивых к современным вызовам цивилизации.

Тем самым интегративность как одна из определяющих категорий глобализации сочетается с альтернативными категориями, а именно: дифференциацией (дифференциальностью), локализацией, национализацией (национализмом), децентрализацией и др.

Дифференциация – процесс разделения (расчленения) части системы различного уровня на ее элементы (подсистемы). В глобальной социоприродной системе выделим (по аналогии с интеграцией) следующие направления дифференциации:

– социокультурная дифференциация, предполагающая сохранение религиозно-духовной (православная, буддистская культуры и др.) и социокультурной (молодежная, массовая, элитарная культуры и т. п.) специфики в условиях глобализации;

– социально-экономическая дифференциация, исходящая из того, что, несмотря на усиление общих тенденций в динамике планетарного развития, мировая система подвергается дальнейшей дифференциации: если в 70-х гг. развивающиеся страны рассматривались преимущественно обобщенно (дифференциация носила, как правило, идеологический характер), то в XXI в. их дифференциация усилилась («новые индустриальные страны», «нефтедобывающие развивающиеся страны»,

«нефтеэкспортирующие развивающиеся страны», «наименее развитые развивающиеся страны»);

– межэтническая дифференциация, когда в процессе глобализации не только не ослабляются противоречия на национальной и этнической почве, а напротив – фиксируются усиление и расширение националистических (и этнических) конфликтов, которые неуклонно выходят на уровень регионального и планетарного масштабов.

Очевидно, что интеграция (интегративность) и дифференциация (дифференциальность) – отнюдь не конкурирующие, а взаимодополнительные процессы (и категории) развития мировой системы. Предложен даже специальный термин (фрагментативность), фиксирующий взаимодействие дифференцирующих (fragmentation) и интегрирующих (integration) тенденций в развитии мировой социоприродной системы.

Локализация (или *фрагментация*) – специфическая форма выражения и существования больших систем, ибо глобальная система – предельная степень интеграции подсистем различного уровня (местного, регионального, национального и др.). Если глобализация связывается с усиливающейся централизацией принятия решений, то локализация исходит из того, что эффективность управления предполагает перенесение тяжести ответственности при принятии решений на местный уровень. При этом децентрализация управленческого процесса рассматривается как существенный фактор, обеспечивающий повышение эффективности механизма принятия решений.

Впрочем, вряд ли конструктивно противопоставлять локальные и глобальные процессы: их взаимосвязь и взаимозависимость достаточно понятны. Скажем, проблема потепления климата, с одной стороны, имеет явную планетарную направленность, требуя реализации общемировой стратегии; с другой стороны, эффективность воплощения международных решений предполагает выход как на местный уровень (экологически оптимальное функционирование локальных промышленных объектов), так и на уровень государства (национальная реализация мировой климатологической стратегии). И закономерно появление такого понятия, как «глокализация», в рамках которого зафиксирована взаимосвязь процессов глобального и локального масштабов.

Процесс взаимодействия интегральных и дифференциальных тенденций в динамике мирового развития претерпел радикальные идеологические (концептуальные) трансформации. Отметим соответствующие базисные направления.

Анализ рыночных отношений получил наиболее четкое выражение в системе идеологии капитализма, которая на протяжении XVIII–XIX вв. демонстрировала свою эффективность и эвристическую значимость. Идеи капитализма, несмотря на появление альтернативных представлений, были доминирующими для цивилизации западного типа. Ситуацию можно характеризовать как интегративный идеологический монизм.

Однако к середине XIX в. фундаментальное теоретическое развитие получила альтернативная концептуальная модель (идеология социализма), которая на протяжении большей части XX в. приобретала широкое распространение. В ряде стран, в том числе и в России (СССР), принципы социалистической идеологии получили формы практической реализации.

В XX в. был утрачен интегративный идеологический монизм. Одновременно существовали (в социальной реальности) две идеологические модели, доказывающие свою эффективность. Возникла ситуация, которую можно охарактеризовать как дифференциальный идеологический плюрализм.

На рубеже XX–XXI в., после развала Советского Союза, произошло снятие (преодоление) идеологии социализма и возврат идеологического монизма, в рамках которого капитализм (и рыночные отношения) трактуется в качестве эффективной (и, в сущности, единственной) стратегии цивилизации. Однако «спиральность развития» обуславливает реальность представлений, в соответствии с которыми происходит конструктивная модернизация капиталистической идеологии и рыночных отношений. Речь идет о реализации воззрений о капитализме «с человеческим лицом». Следовательно, интегративный идеологический монизм «размывается», повышая степень дифференциальности.

Отмеченные идеологические трансформации происходили на фоне взаимоотношений между двумя системами, которые исторически в течение XX в. находились на различных стадиях остроты. В обобщенной форме глобальная социоприродная система была биполярна, то есть находилась в состоянии дифференциальной интегральности.

К началу XXI в., после исчезновения системы социализма, сформировался цивилизационный монизм, когда функции лидера цивилизации были связаны с высоким статусом (военным, экономическим, политическим и т. п.) США. Глобализация в форме «американизации» мировой социоприродной системы обуславливала ее историческую неустойчивость.

Неравномерность регионального развития ведет к тому, что мировая система имеет тенденцию к преодолению цивилизационной монополярности, то есть доминанты американизации – абсолютизации североатлантических стереотипов и представлений. Возникающие и развивающиеся новые центры мировой интеграции (ЕС, Китай, Индия) уведут современный социум из состояния сравнительно неустойчивой цивилизационной монополярности и биполярности к состоянию полиполярности.

Разнообразие цивилизационных подсистем является важным фактором повышения степени их исторической устойчивости. Именно в этом и состоит историческая функция взаимосвязи интегральных и дифференциальных тенденций в динамике мирового развития.

Социально-экономические категории

Интернационализация / Национализация

Пространственной и временной формой выражения глобализации является *интернационализация* как категория, которая фиксирует взаимосвязь межгосударственных взаимодействий в различных сферах социокультурной деятельности. Интернационализация – социальная форма выражения процессов интеграции, проявляемая прежде всего в социально-экономических, социокультурных, межэтнических процессах и др.

В середине XIX в. феномен интернационализации трактовался в рамках теории марксизма как процесс образования «всемирного рынка», «уничтожения» национальной экономики, «ликвидации» местной и национальной замкнутости, укрепления «всесторонней связи и зависимости» наций друг от друга. Причем этот процесс связывался как с материальным, так и с «духовным производством» (Манифест Коммунистической партии, 1848 г.).

Следовательно, интернационализация – процесс, предшествующий глобализации, являющийся ее предпосылкой. В XX столетии, несмотря на противоположные тенденции, интернационализация неуклонно расширяется как объективный фактор мирохозяйственных взаимоотношений во всех сферах производственно-

хозяйственной и социокультурной деятельности (финансово-экономической, научно-технической, культурологической и др.).

«Альтернативной» формой выражения глобализации стала регионализация интернациональных процессов. *Регионализация* – объединение групп государств, имеющих общие природно-географические условия, единые социально-экономические и политико-идеологические установки, сходные природные ресурсы. Более того, к середине XX в. интернационализация реализовалась в форме преимущественно альтернативных объединений (Варшавский договор/НАТО, СЭВ/ЕЭС и др.), что обуславливалось политико-идеологической и военно-стратегической конфронтацией между «двумя мирами» – капиталистической и социалистической системами.

При этом исторически регионализация сочетается с локализацией (национализацией), то есть со стремлением национальных государств сохранить свою социокультурную идентичность, экономическую самостоятельность, политическую независимость и т. п. Балансирование между национальными и региональными интересами – базисная целевая установка соответствующих организационных структур.

В конце XX в. были созданы условия для преобразования интернационализации в процесс глобализации. Отметим некоторые из них.

Во-первых, выявление противоречий мирового развития (глобальные проблемы), преодоление которых связывалось с выходом международного сотрудничества на планетарный уровень. Обосновывалась точка зрения, в соответствии с которой снятие противоречий глобального масштаба (военно-стратегических, энергетических, продовольственных, социально-экологических, научно-технических и др.) требует координированного сотрудничества всех, в сущности, стран мирового социума.

Во-вторых, распад социалистической системы, обусловивший сравнительный монизм (единство) мировой экономической системы (отказ от доминирования централизованных моделей управления и преобладание рыночных отношений), относительную общность социально-идеологических воззрений (демократия трактовалась как наиболее приемлемая форма идеологии и управления) и т. п. Во всяком случае, утратил былое значение исторический конфликт (состояние «холодной войны») между двумя сверхдержавами, одна из которых постепенно лишалась своего имперского статуса. Создавались реальные предпосылки для активизации совместных действий былых идеологических противников практически во всех сферах бытия.

В-третьих, высокий уровень технико-технологической базы цивилизации (тождественность высоких технологий, информатизация и др.) обеспечил реализацию интегративных стереотипов мирового развития, когда распространение информационных потоков приобрело отчетливо планетарные масштабы, фактически исключая национальные и региональные преграды.

В рамках интернационализации (середина XIX – первая половина XX в.) усиливающаяся взаимосвязь национальных систем, в особенности социально-экономических структур, обуславливая формирование мирового рынка, не приводила вместе с тем к утрате сравнительной автономности национальных образований. Экспансия глобализации (вторая половина XX в.) все в большей мере связывается с тем, что национальные социально-экономические структуры, становясь составной частью глобальной социоприродной системы, частично утрачивают историческую автономность.

Определяющим субъектом глобализации все более активно выступают не национальные государства, а транснациональные корпорации (ТНК). Их деятель-

ность становится все более решающим фактором воздействия как на национальную, так и на международную ситуацию (экономическую, политическую, социальную и т. п.). При этом устойчивость глобальной социоприродной системы, в особенности ее экономической подсистемы, является функцией повышения «степени» управляемости национальных экономических систем мировыми интегративными структурами (и зависимости от них).

Национальные европейские системы находятся во все большей зависимости от процессов западноевропейской региональной интеграции (ЕС), активизируются североамериканские институты региональной интеграции (например, НАФТА). Несмотря на постоянную критику, сохраняется высокий имидж традиционных международных организаций (ООН, ее специализированных учреждений – Экономического и социального совета ООН, Всемирного банка, Банка реконструкции и развития и др.).

Итак, процесс интернационализации, преодолевая историческую локальность национальных государств, выводит цивилизацию через регионализацию на уровень глобализации. С одной стороны, в ее рамках создаются предпосылки того, что государство, являясь основной политико-экономической единицей мирового развития, может утратить свои былые функции. С другой стороны, современное государство делает все, чтобы, преодолев последствия регионализации (и глобализации), сохранить национальную идентичность. Иное дело, что под воздействием интернационализации, исходя из логики современных мировых социально-экономических, политико-идеологических, научно-технических, социально-экологических и социокультурных тенденций, усиливаются процессы эрозии традиционной суверенности национального государства.

Государственный суверенитет – принцип независимости государства в процессе принятия решений, затрагивающих как внутреннюю, так и внешнюю сферы политики.

Внутренний суверенитет – взаимоотношения государства и общества, то есть формы деятельности отдельных людей и их совокупности – социума, целевые установки которого могут как совпадать, так и не совпадать с государственными стереотипами. Государство регулирует социальные процессы, принимая соответствующие законодательные документы, наделяя властными полномочиями определенные структуры. В рамках законодательной системы устанавливается свобода функционирования общества в различных сферах (политической, экономической, культурологической и др.), не разрушающая стереотипы государственного суверенитета.

Внешний суверенитет – механизм функционирования национального государства в системе международных взаимоотношений. Принятие государственных решений на национальном уровне предполагает ориентацию на такую стратегию, чтобы, с одной стороны, реализовывались национальные приоритеты, а с другой стороны, по возможности учитывались бы интересы других государств, участвующих в разрешении того или иного межгосударственного противоречия.

Вестфальская модель государственного суверенитета – теоретическая схема механизма оптимального взаимоотношения между отдельными национальными государствами. Исторически процесс принятия решений на национальном уровне предполагал активный учет как внутренних, так и внешних факторов. Тем самым суверенность в процессе принятия государственных решений носит относительный характер.

«Степень суверенности» национального государства имеет тенденцию к уменьшению в процессе продвижения цивилизации к XX в., особенно в условиях расширения глобализации. Более того, современная глобальная взаимосвязь

(и взаимозависимость) национальных государств во всех, в сущности, сферах человеческой деятельности (производственно-хозяйственной, финансово-экономической, научно-технической, природоохранной, социокультурной и др.) радикально трансформирует традиционные государственные функции, а именно: значительная часть решений, принимаемых на государственном уровне, осуществляется под воздействием не столько внутренних, сколько внешних факторов.

Отметим лишь некоторые причины, объясняющие изменяющийся статус национального государства в условиях глобализации в процессе принятия решений.

Во-первых, угрозы (или вызовы), стоящие перед цивилизацией, выходят на такой уровень остроты и масштабности, адекватное преодоление которых имманентно связано не с национальными, а с принципиально международными решениями. И, во-вторых, национальные социоприродные системы настолько взаимобусловлены (и взаимозависимы), особенно в финансово-банковской, торговой или информационной структурах, что их независимое функционирование в условиях мирового рынка уже не представляется реалистичным.

Это не означает, что национальный суверенитет рассматривается как анахронизм. Напротив, именно на рубеже XX–XXI вв. усиливается *партикуляризм* – стремление к национальной автономности, сохранению идентичности – определенный синоним дифференциальности мирового развития, альтернатива интегральной универсальности.

Выделяется несколько направлений современного партикуляризма, а именно:

– государственническое направление, когда специфика мировой политической ситуации (и в частности, развал СССР) обернулась образованием национальных государств (Украина, Беларусь и др.); развал социалистического лагеря привел к расширению дифференциальных процессов (разделение Чехословакии, военный распад Югославии и др.);

– религиозное направление, преимущественно связанное с абсолютизацией исламского фундаментализма, в рамках которого преувеличиваются расхождения между православными и исламскими ценностями, обостряются конфликтные ситуации, трактуемые на основе религиозных противоречий;

– этническое направление, когда преувеличиваются национальная специфика и ментальные характеристики личности, обусловленные в значительной мере реальным расслоением социума (экономическим, социальным, культурологическим) в связи с усилением, в частности, миграционных потоков («Юг») в западноевропейские страны («Север»).

Традиционные представления национального суверенитета, неуклонно «размываясь» под воздействием глобализации, тем не менее, ориентируются на сохранение былого статуса государства. И если внешние факторы суверенитета с трудом поддаются национальному регулированию, то в рамках внутренних условий создаются соответствующие предпосылки на государственном уровне, а именно: используются различные формы экономического протекционизма, в рамках которого национальные правительства, с одной стороны, различным образом создают преференции национальным структурам, а с другой – в той или иной мере затрудняют функционирование ТНК.

Конечно, еще в длительной исторической перспективе национальное государство, сохраняя суверенитет, останется субъектом и объектом мирового процесса. И тем не менее глобализация неуклонно трансформирует традиционные формы государственного суверенитета.

Социокультурные категории

Модернизация / Традиционализм

Исторической формой глобализации выступает *модернизация* – процесс преобразования социума в различных областях деятельности (экономической, социально-политической, социокультурной и др.). Модернизация ассоциируется с вестернизацией, а именно: во-первых, с имманентным развитием западной модели социума («Север») и, во-вторых, с экспансией западных принципов в другие социокультурные и природно-климатические условия («Юг»).

Генезис модернизации связывается с эпохой модерна. *Модерн* (modernity) – период активного формирования и развития западноевропейского типа духовной организации социума, ассоциируемый, как правило, с эпохой Просвещения (XVII в.); социальные формы модерна выстраивались под воздействием европейских революций 40-х гг. XIX в. и др.

В рамках эпохи модерна выявлялись и закреплялись европейские ценности, получившие постепенно статус универсальных, имеющих общечеловеческое значение. Отметим важнейшие из них:

- свобода личности в различных ипостасях ее проявления и выражения;
- доминанта рыночных отношений в экономической сфере как форма эффективной производственно-хозяйственной и социокультурной деятельности;
- политический плюрализм, позволяющий учитывать различные спектры мнений в процессе принятия решений;
- рационализм как доминирующий метод познавательной деятельности, обеспечивающий динамизм научно-технического развития;
- культурологический европоцентризм, в рамках которого западноевропейские духовные ориентиры рассматриваются в качестве образцов мирового масштаба;
- динамизм как стремление к экспансии западноевропейских ценностей и стереотипов.

В середине XX в. процесс модернизации в форме вестернизации (western), то есть распространения западных принципов развития, стал активно реализовываться в условиях стран, освободившихся от колониальной зависимости. В развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки вестернизация (модернизация) выражалась в поисках перспективной национальной концептуальной модели и попытках адаптации западных стереотипов («Севера») к условиям стран «Юга». В более конкретной форме соответствующие процессы реализовывались в выходе на уровень адекватных национальным представлениям социально-политических систем; разработке особых технико-промышленных производств, соответствующих природно-климатическим и социокультурным условиям развивающихся стран («промежуточная технология») и др.

Позднее, после развала «советской империи», процесс модернизации рассматривался применительно к России, которой как субъекту цивилизации евразийского типа присущ, как полагают неославянофилы, особый, «третий путь развития». «Особенность» российского развития исторически обуславливается ее «промежуточным» стратегическим положением между Западом («Севером») и Востоком («Югом»).

На рубеже XX–XXI вв. процесс модернизации (как формы выражения глобализации) стал интерпретироваться в терминах постмодерна (postmodernity). *Постмодерн* – современный период развития социума, для которого характерна совокупность особенностей, отличающих его от предшествующих этапов социо-

культурной динамики. Выделим некоторые из этих особенностей применительно к различным сферам социального бытия.

Социальная сфера. Генезис и развитие модерна, динамика рыночных отношений привели к стратификации социума, классовой дифференциации, которая в значительной степени и обусловила, с одной стороны, социально-экономическое развитие общества, а с другой – обострение противоречий в системе общественных отношений. Их острота угрожала стабильности исторической (капиталистической) социально-экономической системы. В условиях постмодерна классовая стратификация в значительной мере утрачивает свою историческую антагонистическую остроту. Этому способствуют элементы «партнерства» между работодателем и работником. Все большая часть прибыли (прибавочной стоимости) направляется предпринимателем для поддержания стабильности социально-экономической системы на цели, соответствующие интересам работника. Конечно, классовые противоречия отнюдь не исчезают, а лишь нивелируются. Социальная стратификация базируется не на классово-экономической, а на иной основе (возрастной, образовательной, этнической и др.).

Экономическая сфера. В эпоху модерна преобладал классический тип рыночных отношений, основанный на принципе свободного обмена товарами и услугами между производителем и потребителем; фордизме – доминировании масштабного производства с использованием малоквалифицированной рабочей силы; преобладании материального характера деятельности, а также использования технологических нововведений; активной роли профсоюзов как посредника между работником и предпринимателем. Для постмодерна характерна радикальная трансформация исторически сложившихся отношений. Традиционные элементы рынка заменяются все более жесткими и масштабными процессами и формами регулирования; преобладающее развитие получают локальные производства, интегрированные в более целостную систему, где доминирует применение высококвалифицированной рабочей силы, соответствующей уровню высоких технологий; материальный характер деятельности неуклонно заменяется информационными процессами, что, во-первых, усиливает статус научных исследований и разработок и, во-вторых, выводит деятельность в область «виртуальной реальности»; профсоюзы неуклонно утрачивают свою историческую миссию, ибо квалифицированные работники получают возможность на экономических основаниях регулировать свои отношения с работодателем.

Политическая сфера. В условиях модерна реализовывалась идея сравнительной автономности государства и общества. Государство устанавливало лишь правила социального функционирования, существенно не вмешиваясь в производственно-хозяйственный процесс. В процессе становления эпохи постмодерна неуклонно повышается статус государства в динамике социума. Государство активно участвует в производственно-хозяйственной деятельности, соединяя частное предпринимательство и государственный интерес, то есть повышается степень государственного участия в предпринимательской деятельности. Более того, современное государство западного типа все больше усилий (финансовых, материальных, организационных и др.) направляет на поддержку наименее защищенных слоев социума.

Экологическая сфера. Становление модерна не было связано с учетом возможных социально-экологических последствий развития масштабной производственно-хозяйственной деятельности. Лишь в эпоху постмодерна в этой сфере произошли радикальные изменения. Во-первых, преодоление социально-экологи-

ческих противоречий рассматривается как одна из определяющих целевых установок позитивного прогностического развития современной цивилизации. И, во-вторых, разработана, принята и реализуется мировая стратегия устойчивого развития, ориентированная на перспективную рационализацию элементов системы «человек – биосфера – социум».

Планируется продолжить разработку категориального аппарата глобалистики как науки. Предполагается выявить ее аксиоматические основания.